

Искусствоведы из ПБ

В ОЗВРАТЯСЬ из-за океана на исходе 1925 года, Маяковский в стихотворении «Домой!» высказал заветное желание: «о работе стихов, от Политбюро, чтобы делал доклады Сталин».

Не сбылось: командная формула вождя о Маяковском как лучшем, талантливейшем поэте эпохи прозвучала после смерти поэта.

«Честь» быть строго секретно заслушанным на Политбюро при жизни удостоился спустя три года другой писатель — Михаил Булгаков.

Событие, как ни посмотреть, уникальное: дважды на протяжении шестнадцати дней, 14 и 30 января 1929 года, на заседании Политбюро ЦК ВКП (б) слушался вопрос о пьесе М. Булгакова «Бег». Слушался в те напряженнейшие, драматические дни, когда Сталин виртуозно «слепил» новую «группу Бухарина», а с тем и преступный «правый уклон в нашей партии», и угроза политического уничтожения (пока только политического!) нависла над Бухаринным, Томским, Рыковым и др. Едва ли строго секретность запрещения «Бега» была вызвана чувством неловкости или стыда перед потомками. Похоже, что вершители судеб страны уверовали в государственную важность обсуждаемого вопроса.

В протоколе № 60 заседания ПБ от 14 января записано кратко: «Слушали: о пьесе Булгакова «Бег». Постановили: передать на окончательное решение т.т. Ворошилова, Кагановича и Смирнова А. П.».

29 января Ворошилов в секретном письме на имя Сталина сообщил вердикт сановной тройки: «По вопросу о пьесе Булгакова «Бег» сообщая, что члены комиссии ознакомились с ее содержанием и признали политически нецелесообразным постановку этой пьесы в театре». Есть что-то балаганное, «глуповское» в том, что приговор пьесе Булгакова начертан на бланке «Народного комиссара по военным и морским делам и Председателя революционного военного совета СССР»!

А на следующий день, 30 января, поспешно, словно речь идет о неотложном в державе деле, оно было, так сказать, слушанием закончено: «Принять предложение комиссии Политбюро о нецелесообразности постановки пьесы в театре».

Можно предположить, что члены ко-

миссии не утруждали себя чтением пьесы; Ворошилов не оговорился, сообщив, что они «ознакомились с ее содержанием». В помощь им и был составлен подписанный П. М. Керженцевым, журналистом, бывшим послом СССР в Швеции, Италии, в ту пору заместителем заведующего агитпропом ЦК, обстоятельный отзыв — примитивное либретто «Бега», написанное для удобства Ворошилова со товарищи.

Отчего же так либеральна формулировка запрета «Бега», признание «политической нецелесообразности» его постановки (из решения Политбюро выпало и слово «политической»)? Приписные Сталина стараются не попасть впросак: они знают об интересе генсека к Булгакову, о признании им «Дней Турбиных», о его пренебрежительно-брезгливом отношении к политиканствующим литераторам, помогающим запрещенного «всего» Булгакова, готовым обвинить в либерализме и попустительстве и сам ЦК ВКП(б).

«На безрыбьи даже «Дни Турбиных» — рыба, — писал Сталин в ответе ретивому ревнителю идейной святости Биллю Белоцерковскому. — Конечно, очень легко «критиковать» и требовать запрета в отношении непролетарской литературы... Дело не в запрете, а в том, чтобы шаг за шагом выживать со сцены старую и новую непролетарскую макулатуру...»

Поелику «дело не в запрете», запрещать надо так же безжалостно и решительно, однако избегая формулировки: «Запретить!». На сей случай годятся другие слова: «считать нецелесообразным», подкрепленные грифом строгой секретности и прямой сталинской хулой в адрес «Бега» и его автора: «Бег» есть проявление попытки вызвать жалость, если не симпатию, к некоторым слоям антисоветской эмигрантщины, — стало быть, попытка оправдать или полуоправдать белогвардейское дело. «Бег» в том виде, в каком он есть, представляет антисоветское явление».

Так сошлись, будто написанные под копирку, оценки вождя и Керженцева. Прошло восемь лет, и Платон Керженцев вновь докладывает Политбюро о Булгакове и МХАТе в записке, адресованной Сталину и Молотову: «О «Мольере» М. Булгакова (в филиале МХАТа)». Керженцев уже не второразрядный чиновник ЦК, а глава Комитета по делам искусств при СНК СССР. Он неусыпно

бдит, преследует Таирова и Камерный театр, памятуя давнее осуждение этого театра Сталиным как «действительно буржуазного»; скоро Керженцев окажется и могильщиком театра имени Мейерхольда, ревностным исполнителем сталинских репрессивных инициатив в культуре и искусстве (что не спасет его в 1940 году, в том же году, когда погиб в ГУЛАГе и Мейерхольд).

На сей раз «искусствоведы» из ПБ не тревожат тени Врангеля и белогвардейских генералов, на сцене великий Мольер и Людовик XIV, не покушавшиеся на власть Советов. Но крамола найдена, она не укрылась от пронизательных взглядов партийных судей — они единодушно и вновь «строго секретно» подтвердили обличение Керженцевым Михаила Булгакова, замыслившего, мол, «вызвать у зрителя аналогию между положением писателя при диктатуре пролетариата и при «бессудной тирании» Людовика XIV».

Публикуемые здесь текст обращения Керженцева к власти и само решение Политбюро — наглядное доказательство того, что и в этом случае, как и в тысячах других, действует не политическая партия, а высшая в стране власть, подчинившая себе все и более чем все вместе взятые Людовики имевшая основание заявить о себе: «Государство — это я!».

Александр БОРЩАГОВСКИЙ

Пьеса «Бег» Булгакова *

Новая пьеса Булгакова описывает белогвардейщину в момент падения Крыма и в период эмиграции. Как и в «Днях Турбиных» автор идеализирует руководителей белогвардейщины и пытается вызвать — к ним симпатии зрителей. При этом в «Беге» автор в первую голову оправдывает и облагораживает тех белых вождей, которых он сам осуждал в «Днях Турбиных». «Бег» — это апофеоз Врангеля и его ближайших помощников.

Главный герой — командующий фронтом генерал Хлудов Он болен. Но это болезнью не физического порядка. Он подавлен гнилью, предательством, рвачеством, алчностью и разло-

* В документах сохранена орфография и пунктуация оригиналов.

жением тыла, «Севастопольской сволочью», губящей белогвардейское движение. <...>

Врангель — по словам автора храбр и хитер. Умеет смотреть открыто опасности в глаза. Когда создалось угрожающее положение на фронте, он, собрав всех сотрудников штаба фронта — «всех и каждого честно предупредяет, что иной земли, кроме Крыма, у нас нет». Он борется с разложением тыла. Он распинает Корзухина за желтый и лживый тон статей газеты, редактируемой последним.

Врангель охарактеризован, как большой патриот и хороший политик.

Голубков. Автор в ремарке указывает, что он сын профессора идеалиста. Эту ремарку следует расширить — он сам чистой воды идеалист. Житейски беспомощный, крайне непрактичный, он весь охвачен только одной мыслью — быть ангелом хранителем Корзухиной Серафимы. Он любит Серафиму вертловской любовью, чистой, незапятнанной и готов безропотно со своей возлюбленной разделять все тяготы жизни. Возвращается в Россию он исключительно под ее влиянием. На протяжении пьесы его неоднократно награждают, зачастую иронически. эпитетами: «интеллигент», «интеллигентия» и т. п. Автор сознательно обобщил в образе Голубкова все черты нашей интеллигенции, какой она ему кажется: чистая, кристальная в своей порядочности, светлая духом, но крайне оторванная от жизни и беспомощная в борьбе. <...>

Политическая тенденциозность пьесы автором весьма тщательно завуалирована в психологическом разрезе пьесы. По неоднократным заявлениям Булгакова и в частности руководителей МХАТа, основное в пьесе — это проблема преступления и наказания. <...>

Этот сложный переплет психологических нюансов от сознательно совершенного преступления к покаянию, по мнению автора, является осью всей пьесы. Белое движение только фон, канва, на котором овчину расцветивают тонкие узоры сложных душевных переживаний своего героя. Конечно, это утверждение неверно. Не отсюда, что данной психологической проблеме автор уделяет в пьесе определенное внимание, ни в коем случае нель-

зя согласиться, что она является центральной. К тому же, даже если бы только этим материалом была ограничена пьеса, мы должны были бы признать глубоко реакционной идеологическую установку автора в разрешении выдвинутой им психологической проблемы. <...>

Основное в пьесе политическая оценка белогвардейского движения 1920 г. Белые бегут от большевиков. Они агонизируют. Сила, сокрушающая их, стихийна и непреодолима. Она даже сверхестественна: ведь Фрунзе через Сиваш прошел как по паркету, а как сопротивляются белые? Как большие герои, легендарные генералы <...>. Ими делается все, что в пределах физических возможностей.

Вся беда в тыле. Там сволочи, шлюхи, казнокрады. Тыл предает и продает армию. Даже Врангель и тот говорит о «продажной ораве», примазавшейся к казенному пирогу. Если в «Днях Турбиных» Булгаков реабилитировал кадровое офицерство, боровшееся против нас, как илгий носителей и апологетов своей правды, то этой пьесой он уже поднимается на ступень выше и облагораживает и идеализирует генералитет белогвардейского движения.

Алексей Турбин бросал обвинение в измене и продаже России штабам и главному командованию. В «Беге» же даются такие штабы и руководители командования, которые как военачальники, полководцы, более того, как идеологи безупречны. Если они и бегут, то дело тут по автору не в соотношении двигающих сил революции и контрреволюции, а в том, что сила, движущаяся на них, подобна мрачной и могучей стихии, остановить которую никто не может. Ведь бесценное человеческий ум предотвратит землетрясение. Так генерал Хлудов неспособен продолжать борьбу с большевиками.

Конечно, нелепо было бы требовать от автора, чтобы он характеризовал представителей белого движения, как разложившуюся пьяную банду мошенничающих, грабящих и насилующих офицеров. Врага нам нужно показывать на сцене сильным противником, и меньше всего мы заинтересованы в том, чтобы видеть в нем колоса на глиняных ногах, но всегда мы должны требовать правильного, политического критерия к излагаемым фактам.

<...> По автору финансисты и промышленники предали Россию, а кадровое офицерство и генералитет были истинными сынами и патриотами единой и неделимой.

При таком подходе вся классовая сущность белогвардейского движения выхолащивается. Оказывается, вооруженная борьба с большевиками на определенном историческом этапе была не общей политической задачей отечественной и международной буржуазии, а подвигом какой-то группы рыцарей без страха и упрека, быть может, заблудившихся, но честных идейных противников. <...>

Крайне опасным в пьесе является общий тон ее. Вся пьеса построена на примиренческих, сострадательных настроениях, какие автор пытается вызвать и бесспорно вызовет у зрительного зала к своим героям.

Чарнота подкупит зрителей своей непосредственностью, Хлудов — гамлетовскими терзаниями и «искупленным первородного греха», Серафима и Голубков своей нравственной чистотой и порядочностью, Люська — самопожертвованием, и даже Врангель будет imponировать зрителям. <...>

Тенденция автора вполне ясна: он не обвиняет своих героев, а оправдывает их. Это же делает зритель. Он оправдывает тех, кто являлся нашими классовыми врагами (и сознательными и бессознательными). На три, четыре часа длительности спектакля классовая сознательность пролетарского зрителя будет притуплена, размагничена и поработана чуждой для нас стихией.

В момент, когда мелкобуржуазная идеология пытается, и не всегда безуспешно, оказать свое влияние во всех областях искусства, появление пьесы «Бег» было бы ничем не оправданной, беспринципной уступкой наиболее консервативным и реакционным группировкам на театре и только затруднило бы приближение советского театра к рабочему зрителю. <...>

Булгаков не дает материала для понимания наших классовых врагов, а напротив, затушевывает их классовую сущность, стремится вызвать искренние симпатии зрителя к героям пьесы.

ОКОНЧАНИЕ НА 8-й СТР.

Коллаж Наталья РАЙСКОЙ